

ВОСТОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

*студентка 4 курса Самаркандского
государственного педагогического
института Самарова Гулноза,
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
Вохидова Нигора Абдузугуровна*

Аннотация. В статье рассматривается феномен Востока в русской литературе Серебряного века как важный культурно-художественный и философский компонент. Анализируется преемственность восточных традиций, восходящих к поэзии XIX века, и их развитие в творчестве поэтов XX столетия. Особое внимание уделяется осмыслению Востока как символического и ценностного пространства в условиях исторических и мировоззренческих трансформаций рубежа веков. В работе подробно исследуется художественная система Н. С. Гумилёва, в которой Восток выступает как пространство поэтической мифологии, духовного становления и инициации героя. Показано сочетание реалистического и мифологизированного уровней изображения Востока, а также его роль в формировании акмеистической эстетики, основанной на принципах предметности, ясности и героизма.

Ключевые слова. Восток, русская литература Серебряного века, Н.С.Гумилёв, акмеизм, поэтическая мифология, художественный образ, культурный диалог, символика, восточная поэзия, суфизм, мифологизация, путешествие, герой, инициация, этнографизм, эстетика.

Обращение русских литераторов к традициям литератур средневекового Востока значительно обогатило поэзию XIX века. Мотивы, поэтические приемы и жанры восточной поэзии, а также народное творчество стали частью русской литературной традиции, преломляясь в творчестве писателей и получая новую жизнь. Эти традиции не исчезли, а были продолжены в XX веке, найдя отражение в произведениях таких известных поэтов, как В. Хлебников, В. Брюсов, О. Мандельштам, Н. Гумилев и многих других. Восточное влияние стало важным элементом развития русской поэзии, обогащая ее новыми темами и стилевыми приемами.

Особое внимание к Востоку появляется на рубеже столетий, особенно в моменты революционных волнений, военных конфликтов и смены мировоззренческих парадигм. Восток воспринимается как устойчивый феномен с внутренней целостностью, как попытка спасения западного мира от его цивилизации, а также как стремление к стабильности и консерватизму на фоне бурных изменений в общественной жизни Запада. Однако акцент внимания меняется. Если сто лет назад в работах европейских и русских художников широко использовались стилистические заимствования, то в наше время наблюдается мода на восточную кухню и восточные боевые искусства. Этот переход отражает изменившийся интерес общества, где культурные обмены принимают новые формы и выражения.

Среди представителей русской культуры и истории, играющих ключевую роль в освоении и изучении Востока, выделяются выдающиеся личности. Это путешественники и ученые-исследователи восточных регионов, дипломаты и лингвисты, миссионеры, просветители и краеведы, а также этнографы. Многие из этих людей посвятили свою жизнь выбранному делу, способствуя развитию знаний о Востоке и укреплению культурных связей. Их вклад не только обогатил русскую культуру, но и открыл новые горизонты для взаимопонимания между Востоком и Западом. Эти личности стали мостом

между культурами, способствуя расширению кругозора и углублению научного и культурного диалога.

Большое внимание уделял восточной теме и Н. С. Гумилев. Тема Востока в творчестве Гумилёва представляет собой сложный художественный и философский комплекс. Восток является не только географическим пространством, но и ценностным. Он воплощает путь испытания, поединка человека с судьбой, культурную знаковость и глубинную мифологичность мира.

Образ Востока у Гумилёва связан с акмеистической концепцией героизма, с личным опытом путешествий, с этнокультурным интересом, с созданием авторского мифа. Восток становится в его поэзии символом духовного становления человека, источником силы и судьбы. Благодаря этому восточная тема в творчестве Гумилёва выходит за рамки экзотики и приобретает концептуальную литературно-философскую значимость

Особое место в творчестве Гумилева занимала Персия, что было связано с его увлечением творчеством исламских поэтов-мистиков, в частности, Гафиза, Саади и Хайяма, Насири Хосрова. Так, русский перевод «Песни» Насири Хосрова послужил источником для стихотворения Гумилева «Пьяный дервиш», который он включил в свой рукописный сборник «Персия». В суфийской мистической лирике часто встречается упоминание лика некой красавицы или красавца с пышными темными кудрями. И только дуновение ветра отбрасывает кудри с лица красавицы (красавца), позволяя заглянуть за покровы вечности. В стихотворении Н.С. Гумилева «Пьяный дервиш» мы встречаем строки, основанные на суфийской символической:

Мир – лишь луч от лика друга,

Все иное – тень его [1,86].

Особенный интерес представляет пьеса Гумилева «Дитя Аллаха», где главным персонажем является персидский поэт Гафиз (точнее Хафиз, что

означает «хранитель Корана»). Юная Пери, дитя Аллаха, нашла в пустыне бесценную подкову Магомета и была н за это награждена правом познать земную любовь лучшего из сыновей Адама. От святого Дервиша она получила Соломоново кольцо для обручения с избранником и в попутчики Единорога, который должен был охранять ее от недостойных претендентов. По наставлениям мудрого Дервиша она отправилась искать свою награду. Трех претендентов встретила она на своем пути: юного гурмана любви Юношу, стремящегося в жизни лишь к наслаждениям; неистового вояку Бедуина, сделавшего смыслом своей жизни лишь войну; считающего величайшей ценностью в мире земную власть калифа Багдадского. Но Пери невольно принесла им смерть. Опечаленная Пери двинулась в Багдад, но и там не было лучшего сына Адама. Но наконец-то Пери нашла своего избранника на краю пустыни в облике поэта-мудреца Гафиза, бывшего ранее дервишем, но сменившего аскетизм на проповедь земных радостей. Гафиз обращается к Хизру – покровителю странствующих и путешествующих, духовному наставнику суфиев: Великий Хизр, отец садов, в одеждах, как листва, зеленых, Хранитель звонких родников, Цветов и трав на пестрых склонах [1, 87].

Согласно преданиям, Аллах наделил бессмертного Хызра, владевшего источником живой воды, способностью совершать чудеса. В описаниях суфийских поэтов он представал в виде благородного седобородого старца в зеленом халате. Зеленые одежды Хызра постоянно упоминаются в суфийских источниках как символ ислама. Где бы ни ступал Хызр, вокруг него начинала расти зеленая трава. В пьесе Гумилева «Дитя Аллаха» Хызр назван «отцом садов». Речь идет о саде истины, в центре которого находится источник живой воды, неоднократно упоминающийся в поэтических произведениях персидских средневековых поэтов-мистиков. «Только в стихотворениях, посвященных Востоку, да, пожалуй, в народных русских песнях, тоже сильно окрашенных в восточный колорит и напоминающих по пестроте узора

персидские ковры, только в них находишь силу и простоту, доказывающую, что поэт – у себя, на родине» [1,87], – пишет Гумилев в своем отзыве на вторую часть «Cor ardens» Вячеслава Иванова.

В отличие от символистов, склонных рассматривать Восток как туманное духовное состояние или сферу мистического откровения, Гумилёв воспринимает его предельно конкретно: как мир запахов, фактур, красок, жестов, предметов.

Формирование «восточного» мирообраза в его поэзии обусловлено несколькими факторами. Во-первых, важную роль сыграла романтическая традиция русской литературы — от Лермонтова до позднего Киплинга и Конрада, которых Гумилёв хорошо знал. Во-вторых, собственные путешествия поэта в Африку и Ближний Восток предоставили ему наблюдательный материал, благодаря которому его тексты приобрели несомненную этнографическую плотность. Наконец, в-третьих, Восток стал для Гумилёва способом художественной самореализации: моделью, через которую он мог выстраивать свои представления о мужестве, подвиге, экзотике и «первозданной» культуре.

Практический опыт реальных путешествий в Эфиопию, Египет, Сомали, а также поездки на Ближний Восток стали той основой, которая позволила Гумилёву соединить художественную условность с документальной точностью. В отличие от большинства поэтов его времени, Гумилёв не создавал Восток из литературных впечатлений — он наблюдал его непосредственно. Поэтому в его стихотворениях мы видим сочетание экспедиционных деталей (названия племён, описания оружия, быта, ритуалов) и строго продуманной композиционной структуры.

В текстах, созданных после африканских путешествий, отчётливо заметно стремление к объективированию художественного образа. Для Гумилёва характерно не мистическое «растворение» в экзотическом

пространстве, а попытка поймать «предметное ядро» явления: цвет ткани, тяжесть копья, ритм походки верблюда, жест торговца. Восток у него материален, плотен, осязаем. Именно эта фактографичность и одновременно подвижность образов становится отличительной чертой всей его восточной поэзии.

Образная система Гумилёва строится на нескольких ключевых мотивах, среди которых центральное место занимают мотив пути, мотив встречи с инаковостью и мотив испытания. Восток в его поэзии оказывается своеобразным «пространством инициации», территорией, на которой герой проходит проверку собственной силы, стойкости и верности идеалу.

Для Гумилёва Восток — прежде всего пространство движения. Герой «Шатров» и «Костра» постоянно находится в дороге, в состоянии непрерывного перехода. Путь здесь не только географическая траектория, но и метафора творческого поиска. Путешественник у Гумилёва всегда действует: пересекает пустыни, вступает в сражения, общается с людьми иной культуры. Тем самым Восток становится сценой, на которой разворачивается драматургия личного становления.

Характерной чертой поэтического Востока Гумилёва является изобилие предметных деталей. Речь идёт не просто о красочности, а о создании уникального мира, в котором каждая вещь имеет почти сакральное значение. Такова роль оружия (копье, кинжал), животных (лев, верблюд, ястреб), предметов быта (ковры, амулеты, оружейные украшения). Эти элементы выполняют двойную функцию: нарративную и символическую. Они помогают создать достоверную этнографическую картину и одновременно служат знаками внутреннего состояния героя.

Одним из глубинных измерений темы Востока у Гумилёва является столкновение героя с иной культурой. Это столкновение не изображается как конфликт цивилизаций; скорее, это акт познания. Восточный мир оказывается

зеркалом, в котором герой узнаёт самого себя. В нём он вдруг постигает собственную силу, ограниченность или, наоборот, способность к подвигу. Именно поэтому экзотическая среда у Гумилёва никогда не бывает декоративной — она функциональна, актуальна для его философии действия.

Акмеизм, одним из основателей которого был Гумилёв, провозглашал «ясность», «твёрдость» и «вещественность» поэтического образа. Восток стал для него одним из ключевых способов реализации этой эстетики. На фоне истончённой и мистифицированной символистской поэтики его произведения выглядели вызовом, возвращением к конкретному, осязаемому миру.

Восточная тематика позволила Гумилёву подчеркнуть акмеистские идеалы через образ твёрдой, героической культуры. Восток в его поэзии — не пространство размытых смыслов, а мир чётких линий, удивительной природной красоты и человеческой силы. Отсюда — особая ритмическая и композиционная организация стихотворений: стремление к ясной структуре, к завершенности, к «мужественному» рисунку строки.

С другой стороны, Восток помогает поэту формировать собственную систему ценностей. Героизм, честь, верность — эти черты преломляются через картины восточной жизни, через образы воинов, охотников, правителей. Таким образом, Восток становится этической моделью, через которую Гумилёв выстраивает свою концепцию личности.

Важно отметить, что в творчестве Гумилёва сосуществуют два уровня изображения Востока: мифологизированный и реалистический.

Реалистический Восток связан с его экспедиционной практикой: он точен, конкретен, насыщен деталями. Этот Восток присутствует в стихах, основанных на путевых впечатлениях, таких как «Африканский дневник» или циклы, посвящённые поездкам по Аравии.

Мифологизированный Восток — это пространство, которое поэт наполняет символикой, мифами и легендарными смыслами. Он выступает как

идеальный мир, где возможно воплощение вечных ценностей, где герой может быть равен древним воинам и пророкам. Такой Восток особенно выражен в «Шатрах» и более ранних циклах, где поэтическое воображение создаёт целые мифосистемы. Сочетание этих двух уровней позволяет Гумилёву создавать уникальный художественный мир, где реальное плавно переходит в мифологическое, а этнографическая подробность служит основой для философской интерпретации.

Гумилёвский герой — это путешественник, воин, человек пути. Восток формирует его характер. Именно встреча с иной культурой становится тем испытанием, через которое герой проходит свою инициацию. Он учится понимать чужие законы, принимает их суровость, осваивает их тайны и ритуалы. Часто герой становится посредником между мирами — европейским и восточным, рациональным и первобытным.

Восточные сюжеты помогают раскрыть его стремление к подвигу и готовность к самопожертвованию. Воины и охотники Востока действуют по другим законам, и соприкосновение с ними заставляет героя пересмотреть собственные представления о силе и мужестве. Тем самым Восток становится не только внешним фоном, но и внутренним измерением личности [2,92].

Восток сыграл ключевую роль в формировании эстетики Гумилёва на всех этапах его творчества. Если ранняя поэзия акцентировала романтическую экзотику и мифологизированные картины, то поздние произведения отличаются большей философской зрелостью, сдержанностью и документальностью. От юношеского увлечения «удалёнными странами» он приходит к глубинному осмыслению восточной культуры как целостного мира с собственной системой ценностей.

Тем самым Восток становится не только тематическим направлением, но и механизмом творческого роста. Через «восточный» опыт Гумилёв формирует свою поэтическую индивидуальность, выстраивает оригинальную

модель героя и создаёт уникальное эстетическое пространство, в котором соединяются реализм, миф и акмеистская логика ясных образов.

Литература

1. Гумилев Н. Собрание сочинений. Т. V. Драматургия (1911-1921). М.: Воскресенье, 2004.
2. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы. - М., 1979.
3. Колесников А. С. Философская компаративистика: Восток-Запад: Уч.пос. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004.
4. Конрад, Н.И. Запад и Восток. - М., 1966.
5. Топоров, В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. - М., 1988.